

ЯКОВ

ПОЛОНСКИЙ

ЛУННЫЙ СВЕТ

Вечная поэзия

Яков Полонский

Лунный свет

«Public Domain»

2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Полонский Я. П.

Лунный свет / Я. П. Полонский — «Public Domain»,
2020 — (Вечная поэзия)

ISBN 978-5-17-121128-8

Яков Полонский – русский поэт, последний яркий представитель века, как сказал Блок, и один из образцовых поэтов по мнению Страхова. Его творчество отличается особым, таинственным колоритом. Его «свежестью лиризма» восхищался сам Гоголь. Строки Полонского не угасают и до сегодняшнего дня. Несомненный и оригинальный, поэт-философ, истолковывающий светлые стороны человеческой души.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-121128-8

© Полонский Я. П., 2020
© Public Domain, 2020

Содержание

Ранние произведения. Избранное из первого сборника «Гаммы» 1840–1845	6
Кавказский период. 1846–1851	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Яков Полонский

Лунный свет

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Ранние произведения. Избранное из первого сборника «Гаммы» 1840–1845

Солнце и Месяц

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит Месяц?» —
Робко он меня спросил.
В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему Господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Все задремлет, все заснет».
И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь – и ночью
Обойди ты край земной.
Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай – и поутру
Приходи и дай мне знать».
Солнце спит, а Месяц ходит,
Сторожит земли покой.
Завтра ж рано-рано к брату
Постучится брат меньшей.
Стук-стук-стук! – отворят двери.
«Солнце, встань – грачи летят,
Петухи давно пропели —
И к заутрене звонят».
Солнце встанет, Солнце спросит:
«Что, голубчик, братец мой,
Как тебя Господь-Бог носит?
Что ты бледен? что с тобой?»
И начнет рассказ свой Месяц,
Кто и как себя ведет.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.
Если ж нет – взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня:
И дитя не поведет.

1841

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи

Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаясь, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!
1842

К демону

Я погибал —
Мой злобный гений
Торжествовал.
Полежаев

И я сын времени, и я
Был на дороге бытия
Встречаем демоном сомненья;
И я, страдая, проклинал
И, отрицая Провиденье,
Как благодати ожидал
Последнего ожесточенья.
Мне было жаль волшебных снов,
Отрадных, детских упований
И мне завещанных преданий
От простодушных стариков.
Когда молитвенный мой храм
Лукавый демон опрокинул,
На жертву пагубным мечтам
Он одного меня покинул;
Я долго кликал: где же ты,
Мой искуситель? Дай хоть руку!
Из этой мрачной пустоты
Неси хоть в ад!
.....
И вот, среди мятежных дум,
Среди мучительных сомнений
Установился шаткий ум
И жаждет новых откровений.

И если вновь, о демон мой,
Тебя нечаянно я встречу,
Я на привет холодный твой
Без содрогания отвечу.

Весь мир открыт моим очам,
Я снова горд, могуч, спокоен —
Пускай разрушен прежний храм.
О чем жалеть, когда построен
Другой – не на холме гробов,
Не из разбросанных обломков
Той ветхой храмины отцов,
Где стало тесно для потомков.
И как велик мой новый храм —
Нерукотворен купол вечный,
Где ночью путь проходит млечный,
Где ходит солнце по часам,
Где все живет, горит и дышит,
Где раздается вечный хор,
Который демон мой не слышит,
Который слышит Пифагор.
И, чу, в ответ на эти звуки
Встают.....

.....

.....

Все Гении земного мира
И все, кому послушна лира,
Мой храм наполнили толпой;
Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голос вековой.
Теперь попробуй, демон мой,
Нарушить этот гимн святой,
Наполнить смрадом это зданье.
О нет! с могуществом своим,
Бессильный, уходи к другим,
И разбивай одни преданья —
Остатки форм без содержания.

1842

* * *

Посмотри – какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке раки
Тускло озеро блестит.
Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит

И, сквозь, на все наводит
Фосфорический свой луч.
1844

Узник

Меня тяжелый давит свод,
Большая цепь на мне гремит.
Меня то ветром опахнет,
То все вокруг меня горит!
И, головой припав к стене,
Я слышу, как больной во сне,
Когда он спит, раскрыв глаза, —
Что по земле идет гроза.
Налетный ветер за окном,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако с дождем
Несет на сонные поля.
И Божьи звезды не хотят
В мою темницу бросить взгляд;
Одна, играя по стене,
Сверкает молния в окне.
И мне отраден этот луч,
Когда стремительным огнем
Он вырывается из туч...
Я так и жду, что божий гром
Мои оковы разобьет,
Все двери настежь распахнет
И опрокинет сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.
И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить в густых лесах,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться в шумных городах...
Пойду, среди живых людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забуть позор моих цепей.
1844

Зимний путь

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей.
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.
За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. —
Мне мерещатся странные сны.

Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.
И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.
Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды —
И не веришь и веришь очам.
А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.
1844

Встреча

Вчера мы встретились; – она остановилась —
Я также – мы в глаза друг другу посмотрели.
О Боже, как она с тех пор переменилась;
В глазах потух огонь, и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я молча строго —
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел – она же ради Бога
Велела мне молчать, и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья»,
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье».
1844

Кумир

Не сотвори себе кумира;
Но, верный сердцу одному,
Я был готов все блага мира
Отдать кумиру моему.
Кумир немой, кумир суровый,
Он мне сиял как божество,
И я клялся его оковы
Влачить до гроба моего.

Полубезумен и тревожен,
С печатью скорби на челе,

В цепях я мнил, что рай возможен
Не в небесах, а на земле, —
Так, чем свобода безнадежней,
Чем наши цепи тяжелей,
Тем ярче блеск надежды прежней
Иль идеал грядущих дней.

Но я разбил кумир надменный,
Кумир развенчанный – упал,
И я же, раб его смиренный,
Его обломки растоптал.
И без любви, без упования,
Не призывая тайных сил,
Я глубоко мои страданья
В самом себе похоронил.
1844

Диамея

О, скажи мне одно только, кем из богов
Ты была создана? Кто провел эту бровь?
Кто зажег этот взгляд? Кто дал волю кудрям
Так роскошно змеиться по белым плечам?
О, скажи, Диамея, тебе ли самой
Иль тому божеству, что гордится тобой
Как созданием, я должен из мрамора храм
Вознести на холме и возжечь фимиам?!
1844

Лунный свет

На скамье, в тени прозрачной
Тихо шепчущих листов,
Слышу – ночь идет, и – слышу
Переключку петухов.
Далеко мелькают звезды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свет волшебный от луны.
Жизни лучшие мгновенья —
Сердца жаркие мечты,
Роковые впечатленья
Зла, добра и красоты;
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смешно,
Все, что спит в душе глубоко,
В этот миг озарено.
Отчего ж бывшего счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего бывшая радость
Безотраднa, как печаль,

Отчего печаль былая
Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!
1844

Ночь в горах Шотландии

Спишь ли ты, брат мой?
Уж ночь остыла;
В холодный,
Серебряный блеск
Потонули вершины
Громадных
Синеющих гор.
И тихо, и ясно,
И слышно, как с гулом
Катится в бездну
Оторванный камень.
И видно, как ходит
Под облаками
На отдаленном
Голом утесе
Дикий козленок.
Спишь ли ты, брат мой?
Гуще и гуще
Становится цвет полуночного неба,
Ярче и ярче
Горят планеты.
Грозно
Сверкает во мраке
Меч Ориона.
Встань, брат!
Из замка
Невидимой лютни
Воздушное пенье
Принес и унес свежий ветер.
Встань, брат!
Ответный,
Пронзительно-резкий
Звук медного рога
Трижды в горах раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнездах.
1844

* * *

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,

Когда я рвал веслом густую сеть плавучих
Болотных трав и водяных цветов.
То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.
От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер, наконец, мы были далеко —
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.
И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.
Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.
И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила;
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.
1844

Кавказский период. 1846–1851

Прогулка по Тифлису

(Письмо к Льву Сергеевичу Пушкину)

Как полдень – так у нас стреляет пушка.
Покуда эхо гул свой тяжко по горам
Разносит, молча вынимая
Часы, мы наблюдаем: стрелка часовая
Ушла или верна по солнечным часам?
Потом до двух – мы заняты делами;
Но так как все они решаются не нами,
Спокойно можем мы обедать – есть плоды
И жажду утолять, не трогая воды.
В собрание пусто: членов неперменных
Четыре человека каждый день
Встречать наскучило; читать газеты лень;
Журналы запоздали; нет военных;
Все в экспедиции, – и там пока в горах,
Не дальше, может быть, как только в ста верстах
Идет резня (Шамиль воюет),
Для нас решительно войны не существует.
После обеда мы играем роль богов,
И, неспособные заняться даже вздором,
Завесив окна коленкором,
Лежим...
Кто развалившись на диване,
Кто растянувшись на ковре...
Воображать себя заснувшим в теплой бане
Приятно потому, что на дворе
Невыносимо жарко. – Мостовая,
Где из-под ног вчера скакала саранча,
Становится порядком горяча,
И жжет подошву. – Солнце, раскаляя
Слои окрестных скал, изволит наконец
Так натопить Тифлис, что еле дышишь,
Все видишь не глядя и слушая не слышишь;
Когда-то ночь придет! – дождемся ли, Творец! —
Вот ночь не ночь – а все же наконец
Пора очнуться. – Тихий, благодатный
Нисходит вечер, час весьма благоприятный
Для той прогулки, от которой ждать
Отрады – первая в Тифлисе благодать.

Куда ж идти? Иду через Мухранский
Овражный мост, и прямо на Армянский
Базар являюсь – там народ,
Поднявшись на заре, для дел, нужды и лени,
На узких тротуарах ищет тени,

Гуляет, спит, работает и пьет. —
Народ особенный! Я здесь люблю толкаться —
И молча наблюдать – и молча любоваться
Картинами, каких, конечно, никогда
Мне прежде видеть не случилось;
Их не видать – невелика беда,
Но видеть весело, пока не стосковалась
Душа по тем степям, которых вид один,
Бывало, наводил тоску и даже сплин.
Но... я не знаю что – привычка, может статься,
Бродя в толпе, на лицах различать
Следы разврата, бедности безгласной
Или корысти слишком ясной,
Невежества угрюмую печать
Убавила во мне тот жар напрасный,
С которым некогда я рад был вопрошать
Последнего из всех забытых нами братьев.
Я знаю, что нужда не в силах разделять
Ни чувств насыщенных, ни развитых понятий,
Что наша связь давно разорвана с толпой,
Что лучшие мечты – источники страданья —
Для благородных душ остались мечтой...
Итак, чтоб не входить в бесплодные мечтанья,
Я поскорей примусь за описание. —
С чего начать?!. Представьте, я брожу
По улицам – а где, и сам не знаю,
Тифлис оригинальным нахожу,
По крайней мере, не скучаю;
Представьте, наконец, – я в улицу вхожу
Кривую, тесную – под старыми домами
Направо и налево лавок ряд —
Вот караван-сарай, восточными коврами
Увешан пыльный вход, узоры их пестрят —
Но я иду от них сквозными воротами
На низкий дворик, устланный плитами,
С бассейном без воды, и слышу, как шумит
Волна в Куре, – куда она спешит,
Неугомонная, живая?..
Не знает, что вдали от этих берегов
Ей не видать других цветущих городов,
Как не видать земного рая!
Что никогда оттуда, где шумят
Каспийские валы, гнилой камыш качая,
К решеткам караван-сарая
Не воротиться ей назад!
Спешу на улицу – и вижу виноград
Висит тяжелыми, лиловыми кистями,
Поспел – купите фунт – бакальщик рад...
Вот перец и миндаль, а вон табак турецкий

Насыпан кучами – кальяны – чубуки —
Кинжалы – канаус – бумажные платки,
Товар персидский и замоскворецкий!
Дешевый все товар из самых дорогих!

Иду я дальше; множество портных
Сидят на низеньких подмостках в меховых
Остроконечных шапках, рукава утюжат,
Обводят обшлага черкески заказной
Иль праздничной чухи¹ тесьмою золотой,
Усердно шьют – и мне усердно служат:
Из медных утюгов огонь я достаю,
Чтоб тут же закурить потухшую мою
Сигару – здесь курить начальство позволяет;
Пожаров никогда в Тифлисе не бывает,
В Тифлисе просто нечему гореть,
Здесь только можно загореть,
Что, вероятно, всякий знает.
Вот, вижу я, цирюльня, у дверей
Круглится голова; поджав босые ноги,
Сидит благочестивый на пороге
Татарин, голову его бородобрей
Нагнул поближе к свету – выбрил – поскорей
Тряпицей вытер – и к окошку
Сушить повесил грязную ветошку. —
Чего ж вам больше!.. Вот кофейня, два купца —
Два персианина играют молча в шашки,
Хозяин смотрит, сумрачный с лица,
А между тем бичо² переменяет чашки.
В пяти шагах, желая аппетит
Свой утолить у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины из деревни;
Котлы кипят – горячий пар валит —
Лепешек масляных еще дымятся глыбы,
Кувшин с вином под лавкою стоит,
А с потолка висят хвосты копченой рыбы.
Вот на полу какой-то кладовой
(Вы здешние дома, конечно, не забыли)
Два армянина, завязав от пыли
Глаза платком, натянутой струной
Перебивают шерсть. Насупротив, у лавки,
Где как-то меньше толкотни и давки,
Уселся на скамье худой, невзрачный жид
И на станке тесьму и позументы
Прилежно ткет; за ним, на сундуке,
Откинув рукава, сидит в архалуке

---

¹ Чуха – грузинский кафтан с откидными рукавами. (Прим. авт.)

² Бичо – по-грузински мальчик. (Прим. авт.)

Меняла, в сладостной надежде на проценты!
Но вот базар еще теснее —
Разноплеменная толпа еще пестрее.
Я слышу скрип, и шум, и крики – хабарда!³
Вот нищий подошел ко мне, склоняясь на посох;
Вот буйволы идут, рога свои склоняя;
Тяжелая арба скрипит на двух колесах;
Вот скачет конь, упрямого коня
Стегает плеть; налево, с бурдюками,
Знать, из Кахетии с вином,
Дощатый воз плетется, и на нем
Торчит возница с красными усами⁴.
А вон ослы вразброд идут,
В кошелках угля несут
И машут длинными ушами;
На одного из них уселись верхом
В лохмотьях два полунагих ребенка,
А третий сзади глупого осленка
Немилосердно бьет хлыстом...

Тифлис для живописца есть находка.
Взгляните, например: изорванный чекмень,
Башлык, нагая грудь, беспечная походка,
В чертах лица задумчивая лень,
Кинжал и странное в глазах одушевленье!
Вот, например, живое воплощенье
Труда – муша⁵ по улице идет;
Огромный шкаф, перекрестив ремнями,
Он на спину взвалил и медленно несет,
Согнувшись в угол, пот ручьями
По загорелому лицу его течет,
Он исподлобья смотрит и дает
Дорогу... Не могу дорисовать картины! —
Представьте, что в глазах мешаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины,
Татары – наконец я слышу крик муллы —
И наконец под минаретом
Свожу знакомство с новым светом —
И чувствую, что на чужом пиру...
Налево мост идет через Куру,
А вон крутой подъем к заставе Эриванской;
Вот, вижу, караван подходит шемаханский;
Как великан, идет передовой верблюд,
За ним гуськом его товарищи идут —

---

³ Хабарда – берегись! (Прим. авт.)

⁴ На Востоке есть обычай красить себе бороду и усы. (Прим. авт.)

⁵ Муша – носильщик. (Прим. авт.)

Раздули ноздри и глядят спесиво;
Их шеи длинные навтыжку стоят,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.